

Тоталитарная личность в контексте Новейшей истории России и Германии*

Тоталитарные режимы 20-го века стремились создать нового человека. Скептического, борющегося за свою самореализацию индивидуалиста, перенятого ими от либерально-позитивистской эпохи, они хотели превратить в коллективного человека, слепо верующего и безоговорочно повинующегося. Эту цель не легко было осуществить, поскольку начиная с эпохи Просвещения Европа прошла мощный процесс эмансипации, который к середине 19-го века охватил и консервативные монархии Центральной и Восточной Европы. Даже в дотолде самодержавно управляемой Российской Империи были после проигранной Крымской войны начаты грандиозные реформы, напоминавшие петровские реформы начала 18-го века, - реформы, которые могут быть охарактеризованы как вторая модернизация, или европеизация, России. В 1861 году было отменено крепостное право, была значительно ослаблена цензура, в результате судебной реформы 1864 года возникли независимые суды, что создавало первые предпосылки для разделения властей в стране. Многие из тех требований, которые поколениями выдвигали критики российского самодержавия, осуществлялись одно за другим. Однако для радикальных противников монархии – для революционной интеллигенции – эти процессы не имели никакого значения. Напротив: чем либеральнее делалось общественное устройство, тем радикальнее боролась с ним интеллигенция. Эта неадекватная, совершенно иррациональная реакция кажется на первый взгляд поразительной. Но не относится ли неадекватный, иррациональный образ действий к сущности тоталитарного характера? Для начала я хочу заняться одной из его разновидностей – нетерпеливым революционным утопистом, стремящимся к разрушению существующего несовершенного мира, чтобы на его развалинах как можно быстрее построить общественный рай на земле. В России этот человеческий тип проявился в особенно радикальной форме. По словам историка Теодора Шидера, безоговорочность и абсолютность, отличавшие революционную веру русской интеллигенции, были на Западе практически неизвестны.¹

В 1869 году, т. е. как раз в то самое время, когда либеральное правление Александра Второго коренным образом обновляло Россию, больше того преобразовало ее до неузнаваемости, один из наиболее радикальных противников режима, Сергей Нечаев, пишет «Катехизис революционера», в котором можно было прочесть следующее: «Революционер - человек обреченный. ... Он в глубине своего суще-

* Опубликовано ранее в *Вестнике Европы* (2001. № 3).

¹ Schieder Th. Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert / Idem. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. München, 1971. P. 42-44.

ства, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него - враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить. ... Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория - неотлагаемо осужденных на смерть.» К ним, по мнению Нечаева, относятся самые умные и энергичные представители существующего режима. «Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно (!) жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями ... »²

В этих рассуждениях уже намечаются первые контуры будущего тоталитарного характера – создателя и создания тоталитарных режимов 20-го века. Такой характер ориентирован на тотальную конфронтацию. Поэтому наиболее «умные» представители правительства, воплощающие в себе «человеческое начало» существующего режима, особенно ему ненавистны. Ведь они в состоянии сделать этот несовершенный, обреченный на разрушение мир более выносимым в глазах народа. Деспотические натуры в правительственном лагере ему милее, потому что они не смягчают «искусственно» социальные и политические противоречия, а значит, приближают революционный взрыв.

Революционер, считает Нечаев, не должен испытывать никаких человеческих чувств по отношению к врагам; по сути они для него и не люди, но «скоты». Однако и по отношению к своим соратникам он не должен проявлять слабость или сочувствие, поскольку эти соратники тоже не представляют ценности сами по себе, но являются лишь «революционным капиталом»: «У каждого товарища должно быть под рукою несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела.»³

Таким образом революционный утопист – а Нечаев воплощает его в наиболее чистой форме – склоняется к тому, чтобы лишить человеческого облика не только своих врагов, но и себя самого. Он имеет дело уже не с конкретными людьми, но с абстрактными силами, воплощениями добра и зла. Чувства вины или сомнения, одолевающие человеческую личность, уже не играют для него никакой роли. Революционер превращается в орудие уничтожения, из любви к будущему

² Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Ред. Е.Л.Рудницкая. М., 1997.

³ Там же.

идеальному человечеству ведущее беспощадную борьбу на истребление с представителями существующего несовершенного мира. В духе Нечаева действовала возникшая в 1879 году «Народная воля», важнейшей целью которой было убийство Александра Второго – пожалуй, самого либерального царя в новой русской истории. Нечаев писал: «Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу». Либеральный царь был с точки зрения «Народной воли» прямо-таки создан для этой роли. Организация начала настоящую охоту на царя. Четыре покушения не удались. При пятой попытке – 1 марта 1881 года – террористы добились, наконец, желаемого успеха. Убийство Александра Второго произошло как раз в то самое время, когда царь вместе со своим ближайшим сотрудником М.Т. Лорис-Меликовым работал над документом, в котором России было обещано некое подобие конституции. Члены «Народной воли» смотрели на цареубийство как на своего рода искупительный акт; подобные искупительные фантазии относятся, наряду с тенденцией к дегуманизации противника, к наиболее существенным чертам тоталитарного характера. Ему свойственно манихейское мышление. Он знает лишь абсолютное зло – в случае радикальной интеллигенции это было русское самодержавие – и абсолютное добро – для интеллигенции это был русский простой народ. Интеллигенция, писал в этой связи русский философ Семен Франк, верит в возможность достижения абсолютного счастья на земле путем простого механического устранения врагов обожествляемого ею народа. Вопреки своему безбожию, интеллигенция, по Франку, продолжает мыслить в религиозных категориях – ее «бог» это народ, ее «дьявол» - царское самодержавие.⁴

Искупление, к которому стремилось радикальное крыло русской интеллигенции из лагеря «народников», распространялось, в общем и целом, только на Россию, оно было скорее партикулярным, чем универсальным. Целью народников было в первую очередь освобождение страдающего русского народа, который они хотели повести в райское, «светлое» будущее. Однако этот хилиазм русских революционеров приобрел особую взрывоопасность, когда в конце 19 – начале 20 века он соприкоснулся с марксистским утопизмом. Важнейшим результатом этого синтеза было создание в 1903 году большевистской партии – первой тоталитарной партии новейшей эпохи, не имевшей аналогов на Западе. Эта централизованная, строго дисциплинированная организация профессиональных революционеров принципиально отличалась от всех других партий, входивших в основанный в 1889 году Второй Интернационал. Прототипом этой партии послужила для ее основателя, Владимира Ленина, вовсе не та партия, которая во Втором Интернационале вызывала наибольшее восхищение, именно Социал-Демократическая Партия Германии. Такая партия, как СДПГ, могла развернуть свою

⁴ Франк С. Этика нигилизма / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. 2-е изд. М., 1909. С. 175-201.

деятельность лишь в условиях парламентаризма. Россия же к моменту основания большевистской партии была еще самодержавной монархией без парламента и политических партий. Лишь после революции 1905 года царизм превратился в полуконституционную монархию. Поэтому Ленин искал прообразов для организационной структуры своей партии не на Западе, а в самой России. Такой прообраз он нашел в организации «Народной воли». В качестве ортодоксального марксиста Ленин отвергал индивидуальный террор, но организационная структура «Народной воли» ему импонировала. Это была дисциплинированная и централизованная организация заговорщиков. Именно такую организацию, но действующую по марксистской программе, и хотел создать Ленин: «Дайте нам организацию революционеров - и мы перевернем Россию!», писал он в 1902 в программной работе «Что делать?».⁵ Через пятнадцать лет ему удалось с помощью такой партии создать первый тоталитарный режим Новейшего Времени и тем самым направить историю 20-го века по новому пути.

Тоталитарный характер выкристаллизовался в конце 19-го века не только на левом, но и на правом краю политического спектра. В отличие от левых утопистов, стремившихся искусственно ускорить историческое развитие, чтобы как можно скорее достичь «светлого будущего», правые экстремисты были радикальными противниками современности. «Золотым веком» было для них не будущее, но прошлое по ту сторону индустриализации и Просвещения. Сверхчеловеческим усилием воли они хотели искусственно остановить бурное развитие стремительно меняющегося мира. Начавшийся в эпохи Просвещения процесс эмансипации, победное шествие всеобщего избирательного права, усиливающиеся нивелирование сословных различий – все это они отождествляли с закатом Европы. Одной из опасностей для европейской цивилизации казалось им так называемое «восстание масс»; организованное рабочее движение они считали наиболее опасной формой этого восстания. Ради отражения этой грозящей снизу опасности некоторые из правоэкстремистских группировок, например социал-дарвинисты, готовы были пересмотреть традиционные понятия морали. Так, с их точки зрения, следовало защищать вовсе не слабых и обездоленных от сильных и привилегированных, а как раз наоборот – лучших и сильных от слабых, т.е. от массы. Сострадание к слабым социал-дарвинисты считали совершенно устаревшим требованием. Они идеализировали законы биологической природы и стремились полностью перенести господствующее в природе право сильнейшего на человеческое общество.

Поскольку цель воинствующих противников современности – возврат к доиндустриальному и допросветительскому состоянию вещей – была совершенно утопической и недостижимой, то и разработанные ими методы осуществления этой цели неизбежно должны были приобрести абсурдный характер. В этом контексте может быть рассмотрена и радикализация антисемитских эмоций – эмо-

⁵ Ленин В.И. П.С.С. Т. 6. С. 127.

ций, которым суждено было стать чрезвычайно важной составляющей частью этого восстания против современности. Отождествляя современность с евреями, которых среди поборников модернизации и эманципации было и в самом деле немало, антисемиты по видимости вырывались из некоего порочного круга. Бесперспективная борьба против всемогущих и анонимных сил современности превращалась в борьбу против конкретных и вполне уязвимых евреев. Подчинение или, тем более, уничтожение евреев должно было автоматически привести к восстановлению патриархальной идиллии. Так контуры холокоста наметились уже в конце 19-го – начале 20-го века.

Один из предшественников расового антисемитизма, Хьюстон Стюарт Чемберлен, которого Йозеф Геббельс занес в галерею предков национал-социализма, восхищался непримиримостью, с которой древний Рим боролся со своими противниками-сеμίтами.

В своих «Основах 19го века» (1899) Чемберлен издевается над теми, кто осуждает разрушение Римом Карфагена за безнравственность, и пишет: «Одно ... ясно, как солнце в полдень: если бы финикийский народ не был бы уничтожен, ... человечество никогда не имело бы этого 19 столетия, на которое мы теперь, при всем смиренном сознании наших слабостей... оглядываемся с гордостью. При ни с чем не сравнимой живучести семитов, достаточно было бы малейшего проявления милосердия – и финикийская нация бы воскресла; в полусожженном Карфагене ее огонь тлел бы под пеплом, чтобы снова вспыхнуть ярким пламенем при первых признаках намечающегося распада римской империи. ... В евреях мы видим другую и не менее опасную разновидность этого яда, разъедающего все благородное и творческое. Только слепец или лицемер откажется признать, что проблема еврейства среди нас относится к сложнейшим и опаснейшим проблемам современности.»⁶ Способ решения этой трудной проблемы косвенно намечается Чемберленом. Не случайно говорит он так подробно о судьбе Карфагена. Суровость Рима импонирует ему гораздо больше, чем наивное с его точки зрения великодушие современных европейцев: «Руководствуясь идеальными мотивами, индоевропеец по-дружески открыл двери – еврей ворвался в них как враг, захватил все позиции и закрепил ... в щелях и проломах нашего своеобразия флаг своей сущности, вечно чуждой нам».⁷

Подобно тому, как русские революционеры хотели построить социальный рай на земле путем устранения представителей старого порядка, антисемиты стремились к построению расового рая на земле путем устранения «расово чуждых» евреев. Чемберлен говорит в этой связи о «святости чистой расы».⁸

В этой непримиримой борьбе моральные сомнения и человеческие чувства не должны были играть никакой роли. Таким образом расисты, подобно левым утопистам, дегуманизировали не только своих противников, но и себя самих.

⁶ Chamberlain H.S. Die Grundlagen des Neunzehnten Jahrhunderts. München. Vol. 1. P. 162f.

⁷ Ibid. P. 382.

⁸ Ibid. P. 367f.

Когда Чемберлен представил общественности свои мысли о решении еврейского вопроса, Европа, не в последнюю очередь из-за все усиливавшихся националистических эмоций и непрерывной гонки вооружений («сухой войны», по выражению Ганса Дельбрюка), представляла собой пороховую бочку. Тем не менее идеи Чемберлена, в силу их радикальности, производили на тогдашнее общество чрезвычайно странное впечатление. Не менее странным казалось сочинение председателя «Всегерманского Союза» Генриха Класа «Если бы я был кайзером», которое он опубликовал незадолго до начала Первой мировой войны. Подобно Чемберлену Клас требовал суровости при решении еврейского вопроса. Он писал: «Оздоровление нашей народной жизни ... возможно лишь в том случае, если еврейское влияние будет либо полностью исключено либо сведено к терпимым, неопасным размерам. ... Для достижения этого нужны следующие меры: евреи не допускаются к занятию каких бы то ни было официальных должностей. ... Они лишаются как активного, так и пассивного избирательного права. Профессии адвоката и учителя для них запретны; также и руководство театрами. Газеты, в которых сотрудничают евреи, должны быть специально помечены. ... В качестве возмещения за охрану, которую евреи получают от государства в качестве иноплеменников, они платят двойные налоги.»⁹

Клас ясно сознавал, до какой степени его предложения должны были провоцировать тогдашнюю германскую общественность: «Я слышу и вижу, как читатель внутренне воздевает руки к небу в ужасе от холодной жестокости этих предложений – а то и смотрит на них как на порождения больной фантазии, тем более что в кругах безобидной либеральной буржуазии давно привыкли сетовать вместе с евреями на их недостаточное равноправие. ... Но на самом деле все как раз наоборот. Еще никогда за всю историю человечества великий, талантливый, трудолюбивый народ не попадал так быстро и до такой степени без сопротивления под влияние и духовное руководство другого, чуждого ему народа, с совсем иными наклонностями, как в наши дни немецкий народ попал под еврейское господство».¹⁰

Прошло около двадцати лет после того, как были написаны эти слова, отражавшие мнение маргинальной группы („lunatic fringe“, как говорят англичане), и в Германии пришел к власти режим, не просто реализовавший предложения Класа, но пошедший много-много дальше.

Николай Бердяев говорит в этой связи, что в 19-ом веке часто приходилось слышать сожаления о том, что утопии хоть и прекрасны, но не могут быть осуществлены; в 20 же веке человечество столкнулось с совсем другим положением

⁹ Frymann D. (i.e. Claß Heinrich). Wenn ich der Kaiser wär'- politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. 5. Aufl. Leipzig, 1914. P. 74, 76.

¹⁰ Ibid. P. 77.

вещей: утопии гораздо легче осуществить, чем считалось раньше, вопрос в том, как предотвратить их осуществление.¹¹

Обстоятельства, приведшие к тому, что люди с левыми или правыми тоталитарными убеждениями смогли – сначала в России, потом в Германии – переместиться с общественно-политической периферии в центр власти, не могут здесь быть разобраны; эта тема выходит далеко за рамки данной статьи. Во второй ее части я хотел бы обратиться к проблематике тоталитарной личности в так называемой «режимной» фазе, к вопросу о том, укрепляются и развиваются ли на более зрелой стадии развития те свойства тоталитарного характера, которые сложились в период его возникновения.

Прежде всего рассмотрим столь характерную для тоталитарной личности тенденцию к дегуманизации противника, к отказу ему в человеческой сущности. Так, например, представители бывших русских высших классов были сразу же после захвата власти большевиками объявлены людьми «второго сорта». Советская конституция 1918 года лишала их как активных, так и пассивных избирательных прав. Здесь следует вспомнить, что пятью годами ранее Генрих Клас делал аналогичные предложения по отношению к немецким евреям. Диктатура пролетариата лишает своих классовых врагов буржуазных свобод, поскольку буржуазия лишь использует эти свободы в контрреволюционных целях, утверждал один из ведущих большевистских теоретиков, Николай Бухарин, в 1918 году.¹² Представители «эксплуататорских классов» имели во время гражданской войны наихудшее материальное обеспечение и, как правило, получали продовольственные карточки самой низшей категории. Они неоднократно облагались особыми налогами – «контрибуциями» (которые в октябре 1918 года, к примеру, составили в общей сложности 10 млрд. рублей). В рамках трудовой повинности они должны были выполнять самые низкие работы. Существенным элементом «красного террора» во время гражданской войны было взятие «заложников» - произвольные аресты бесчисленных граждан, которые органами террора рассматривались как своего рода человеческий залог. На акты сопротивления ему режим нередко отвечал массовыми расстрелами таких заложников. В категорию заложников, которые в таких случаях уничтожались в первую очередь, входили представители бывших имущих классов.¹³

¹¹ Berdjaev N. Das Neue Mittelalter. Betrachtungen über das Schicksal Rußlands und Europas. Tübingen, 1950. P. 122.

¹² Bucharin N. Das Programm der Kommunisten (Bolschewiki). Wien, 1918.

¹³ Pipes R. Die russische Revolution. Vol. 2. Berlin, 1992. P. 805-809; Volkogonov D. Lenin. Berlin, 1994. P. 257ff.

Судьба лишившегося власти русского высшего слоя напоминает на первый взгляд судьбу евреев в Третьем Рейхе. И в том и в другом случае имеет место постоянная радикализация преследований – лишение прав и достоинства, выделение в особую категорию, наконец физическое уничтожение. Тем не менее, между этими двумя типами преследований есть существенное различие. Конечной целью национал-социалистов, особенно после начала германо-советской войны, был тотальный геноцид, полное уничтожение евреев независимо от их возраста, пола, религиозной принадлежности или профессии. Поход большевиков против буржуазно-дворянских слоев России носил иной характер. Большевики пытались расколоть своих «классовых врагов». Часть из них была уничтожена, другие же привлечены к выполнению задач режима. Сотни тысяч «буржуазных» специалистов работали в советских учреждениях и предприятиях. Красная армия была бы не дееспособна без бывших офицеров царской армии. Количество таких офицеров в рядах Красной армии составляло в 1919 году 35 тысяч, а в 1920 – уже 48 тысяч.¹⁴ Даже оба первых главнокомандующих Красной армии – Иоаким Вацетис и Сергей Каменев – принадлежали в царское время к высшему офицерству. Не следует забывать, что многие большевистские лидеры были буржуазного или дворянского происхождения – не в последнюю очередь сам Ленин. Таким образом политика большевиков по отношению к «классовым врагам» носила более дифференцированный характер, чем политика национал-социалистов по отношению к евреям. Авторы, склоняющиеся к отождествлению большевизма и национал-социализма, оставляют этот факт без внимания.

Большевики были убеждены, что им удастся мгновенно установить общественный порядок, основанный на идеалах равенства, справедливости и братства; возможно это было, по их мнению, потому, что они якобы представляли интересы подавляющего большинства человечества, т.е. интересы «эксплуатируемых классов». Изоляция «эксплуататоров», лишение их прав и собственности казалось им достаточной предпосылкой для установления социального рая на земле. По сути дела они мыслили так же, как в свое время мыслили заговорщики из организации «Народная воля», исходившие из того, что убийство царя – этого символа старого порядка – автоматически преобразит всю страну. Разница между большевиками и народовольцами заключалась в том, что большевики в отличие от своих предшественников располагали якобы «научной» программой преобразования общества, т.е. марксизмом. Кроме того, в противоположность «Народной воле» они опирались не на крошечную организацию заговорщиков, но на гигантский аппарат тоталитарного государства. Поэтому их политические действия, включая террор, приняли систематический характер. Однако при всех различиях их вера в то, что «добро» автоматически восторжествует после удаления «зла», напоминает аналогичную веру народников до неотличимости. Троцкий в своих

¹⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Под ред. С.С. Хромова и др. М., 1983. С. 106. Altrichter H. Staat und Revolution in Sowjetrussland 1917-1922/23. Darmstadt, 1981. P. 183.

воспоминаниях рассказывает, что Ленин в первое время после прихода большевиков к власти неоднократно заявлял: «Через полгода у нас будет социализм, и мы станем сильнейшим государством на земле».¹⁵ Так большевики сделали жертвой своего собственного утопизма. Семен Франк называет утопизм классической ересью, попыткой спасти мир одной лишь человеческой волей. Так как утопист действует вопреки структуре творения и вопреки человеческой природе, то его действия, по Франку, заранее обречены на неудачу. Таким образом он объявляет войну как творению, так и человеческой природе и превращается из якобы спасителя в злейшего врага человеческого рода.¹⁶

Поскольку строптивая действительность сопротивлялась радикальным попыткам преобразования, предпринимаемым большевиками, то эти последние провозглашали врагами рабочего класса все новые социальные группы и ставили под сомнение их право на принадлежность к человечеству. Наряду с представителями бывших верхних слоев общества к этой категории были теперь отнесены и «кулаки». В августе 1918 года Ленин писал: «Кулаки - самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры ... Эти кровопийцы нажились на народной нужде ... Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих ... Эти пиявки пили кровь трудящихся ... Эти вампиры подбирали и подбирают себе помещичьи земли ... Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им!»¹⁷

Расширяясь, сфера имущих слоев общества, объявляемых враждебными, начала распространяться на так наз. «мелких владельцев», т.е. на подавляющее большинство русского российского крестьянства, составлявшее примерно 80% населения. В апреле 1918 года Ленин обвинил их в безудержном эгоизме и назвал их решительными врагами пролетариата: «Их орудие - подрыв всего того, что пролетариат декретирует и стремится осуществить в деле устройства организованного социалистического хозяйства. Здесь мелкобуржуазная стихия - стихия мелких собственников и разнузданного эгоизма - выступает решительным врагом пролетариата»¹⁸

А как обстояло дело с самой партией, которая насильственно оборвала мощный процесс эмансипации, продолжавшийся в России со времени реформ Александра Второго вплоть до Октябрьской революции, и лишила поработенное ею общество всякой самостоятельности? Большевики были необыкновенно уверены в себе и чрезвычайно горды тем, что совершили величайшую, как они полагали, революцию в истории человечества. Первые полтора десятилетия после Октябрьской революции большевистская партия вела себя как всемогущий демиург, способный в кратчайшее время создать никогда прежде не существовавший об-

¹⁵ Trockij L. Über Lenin. Material für einen Biographen. Frankfurt/Main, 1964. P. 106.

¹⁶ Франк С. Ересь утопизма / Он же. По ту сторону правого и левого. Сборник статей. Париж, 1972. С. 83-106.

¹⁷ Ленин. ПСС. Т. 37. С. 40-41.

¹⁸ Ленин. ПСС. Т. 36. С. 245-246.

ществленный порядок и нового человека. Однако в унифицированном обществе столь самонадеянная партия оказывалась чужеродным телом. В 1936-38 гг. – в эпоху Большого террора – это чужеродное тело было интегрировано в общий социальный организм и превращено в послушное орудие в руках власти. Процесс дегуманизации, который они начали в 1917 году по отношению к своим противникам, был таким образом распространен на самих большевиков. Во время показательных процессов 1936-38 гг. генеральный прокурор СССР Вышинский называл в своих речах многих из ближайших соратников Ленина, создателей советского государства, «цепными псами капитализма», «змеиным отродьем», которое «должно быть растоптано».¹⁹

На пленуме ЦК в марте 1937 г. один из ближайших приспешников Сталина, Микоян, охарактеризовал некоторых представителей так наз. «Ленинской гвардии» и своих бывших товарищей следующим образом: «Троцкий, Зиновьев и Бухарин ... создали новый тип людей, извергов, а не людей, зверей, которые выступают открыто за линию партии, ... а на деле ведут беспринципную подрывную работу против партии.»²⁰

После такой аргументации все психологические барьеры в борьбе Сталинской клики с внутривластными противниками были сняты, законы неписаного «большевистского кодекса чести», запрещавшего физическое уничтожение внутривластных конкурентов, утратили силу.

Партийные оппозиционеры, с которыми боролись сталинисты, в прошлом сами нередко утверждали, что кулаки или представители бывших верхних слоев общества – это звери, а не люди. Теперь им пришлось на собственном опыте познать реальные последствия такого рода стилистических упражнений. За былые дерзания пришлось расплачиваться.

Как и большевики, национал-социалисты стремились создать нового человека, свободного от моральных запретов, привитых иудео-христианской этикой. Как и большевики, они отрицали право своих противников на принадлежность к человечеству. С одним отличием. Поскольку враги национал-социализма провозглашались таковыми в первую очередь по биологическим признакам, в Третьем Рейхе, в отличие от большевистского государства, «неправильное происхождение» нельзя было искупить «правильным мировоззрением». Переход из одного лагеря в другой был невозможен. Евреи, считавшиеся самыми закоренелыми врагами арийской расы, должны были быть полностью «изолированы», а после начала германо-советской войны, точнее после Ванзейской конференции, подлежали тотальному уничтожению. Этой цели служили в первую очередь созданные на территории Польши лагеря уничтожения: Трехлинка, Собибор, Бельжец, Хелмно и, прежде всего, Аушвиц-Биркенау. Как справедливо отмечают польские историки Ян Гумковский и Казимир Лещинский, само слово «лагерь» может в данном слу-

¹⁹ Der Sowjetkommunismus. Dokumente / Ed. H.-J. Lieber, K.-H. Ruffmann. Köln-Berlin, 1963. Vol. 1. P. 381.

²⁰ Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 21.

чае ввести в заблуждение. Узников, как правило, убивали там уже через несколько часов по их прибытии.²¹ Такого рода фабрики смерти были неизвестны в советском «архипелаге ГУЛАГ», в котором людей, как правило, убивал рабский труд. Поэтому понятия Аушвиц-Биркенау и Трешлинка и стали символами исключительности национал-социалистической системы террора. Относительно бесперебойное функционирование этого механизма уничтожения было возможно не в последнюю очередь потому, что исполнители, как правило, до глубины души проникались национал-социалистической догмой, по которой евреи – это не люди. «Бесчисленные заболевания имеют своей причиной одну бациллу – еврея!», провозглашал Гитлер в одном из своих монологов – и делал отсюда вывод: «Мы выздоровеем, когда элиминируем еврея».²² В марте 1943 года ответственный за статистику инспектор при рейхсфюрере СС, Рихард Корхерр, составил отчет по «окончательному решению еврейского вопроса». Язык, которым написан этот отчет, вряд ли нуждается в комментариях. Корхерр пишет: «В Европе евреи скучиваются /häufen sich/, или скучивались, прежде всего в занятых Германией бывших польско-русских ... областях. Уменьшение еврейства в Европе составляет по-видимому ... уже около 4 млн. голов /Köpfe/. Большое поголовье /Bestände/ евреев наблюдается на европейском континенте, помимо России, ... теперь уже только в Венгрии и Румынии ..., может быть, еще и во Франции».²³

Однако одной дегуманизации евреев было недостаточно, чтобы заглушить в соучастниках преступления неосознанное и не признаваемое ими чувство вины. Для этого нужны были и хилиастические видения. Эрих Гольдхаген (которого не следует путать с его сыном Даниелем, автором известной книги «Гитлер и его услужливые исполнители») пишет по этому поводу: «Исполнители особенно склонялись к хилиастическим мечтаниям сразу после какой-нибудь резни. Изнеможенные убийцы, постоянно преследуемые неосознаваемым чувством вины. Убеждение в том, что убийство евреев – это искупительный акт, было одной из существеннейших форм психологической поддержки, бальзамом для их совести.»²⁴

Национал-социалистический террор, как и большевистский, не мог, конечно, ограничиться только одной какой-то группой жертв. Все новые и новые группы людей зачислялись в категорию «недочеловеков»: психически больные, польская интеллигенция, пленные красноармейцы. В издаваемых отделом пропаганды вермахта «Сообщениях для войск» можно было в июне 1941 года прочесть следующее: «Что такое большевики, знает всякий, кто хоть однажды заглянул в лицо кому-нибудь из красных комиссаров. ... Назвать черты этих живодеров, по большей части еврейского происхождения, зверскими, было бы оскорблением

²¹ Gumkowski J., Leszczyński K. Okupacja hitlerowska w Polsce. Warschau, 1961. P. 69.

²² Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941-1944 / Ed. Werner Jochmann. München, 2000. P. 293.

²³ Цит. по: Berenstein T., Rutkowski A. Hitlerowskie sprawozdanie statystyczne o zagładzie Żydów w Europie // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. 1964. Vol. 49.

²⁴ Goldhagen E. Weltanschauung und Endlösung. Zum Antisemitismus der nationalsozialistischen Führungsschicht // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1976. P. 402.

для зверей. Это воплощение инфернального, персонификация безумной ненависти ко всему благородному в человеке. В образе этих комиссаров мы видим восстание недочеловеков против благородной крови.»²⁵

Однако эта война на уничтожение, направляемая руководством Третьего Рейха вовне, с течением времени неизбежно должна была обратиться вовнутрь. Одной из ее последних жертв незадолго до конца войны стали сами немцы, ранее провозглашенные Гитлером «народом господ». Поскольку Гитлер видел в себе самом высшее свершение немецкой истории, он стремился к тому, чтобы с его смертью закончилась и эта история. 19 марта 1945 года в беседе с министром оборонной промышленности Шпеером он заявлял: «Если война будет проиграна, пропадет и немецкий народ. Нет никакой необходимости заботиться о материальной базе, которая может понадобиться немецкому народу для его примитивного существования в будущем. Напротив, лучше самим разрушить все это. Потому что народ оказался слабейшим, и будущее принадлежит исключительно более сильному восточному народу. После теперешней битвы все равно останутся одни неполноценные индивиды, достойные пали в ней.»²⁶

В завещании Гитлера от 29 апреля 1945 года нет ни намека на раскаяние: «Настоящий виновник этой убийственной борьбы – еврейство!», пишет он за день до самоубийства. После чего он возлагает на вождей нации обязательство «строго соблюдать расовые законы и оказывать немилосердное сопротивление отравителю всех народов, интернациональному еврейству.»²⁷

Эта беспримерная уверенность в своей правоте и неспособность к раскаянию свойственна была, однако, не только самому Гитлеру, но и многим из тех, кто слепо в него верил, причем не только до, но и после конца войны. В недавно разобранных магнитофонных записях бесед, которые Адольф Эйхманн вел в аргентинском изгнании с одним из своих единомышленников, есть и такие утверждения этого специалиста по окончательному решению еврейского вопроса: «Если бы мы убили все 10 млн евреев, указанных в первоначальной статистике Гимmlера», тогда он, Эйхманн, мог бы сказать: «Хорошо, мы уничтожили врага. ... Я ни в чем не раскаиваюсь. И ни коим образом не собираюсь молить о прощении.»²⁸

Так же и бывший глава советского правительства Молотов, вместе со Сталиным подписавший сотни «расстрельных списков», повинный, вместе с другими вождями, в гибели бесчисленных людей, не видит никаких причин приносить покаяние. В беседе с писателем Феликсом Чуевым в начале 70-ых годов он в ча-

²⁵ Boog H., Förster J., Hoffmann J., Klink E., Müller R.-D., Ueberschär G.R. Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt/M., 1996. P. 528.

²⁶ Цит. по: Thamer H.-U. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933-1945. Berlin, 1986. P. 760.

²⁷ Цит. по: Goldhagen D.J. Hitlers willige Vollstrecker. Gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1996. P. 197.

²⁸ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1.12.2000.

стности говорит: «1937 год был необходим... Мы обязаны 1937-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны.»²⁹

Молотов решительнейшим образом возражает против утверждения, что большинство жертв террора были невиновны. Нет, заявляет этот ближайший помощник Сталина, террор был в основном направлен против тех, кто был действительно виноват.³⁰

Когда мы сегодня читаем такого рода невероятные заявления, мы невольно склоняемся к представлению о тоталитарной личности как о существе с другой планеты, не имеющем ничего общего с европейскими традициями. Однако на самом деле тоталитарный человек – это европейский феномен, точнее – продукт одного из глубочайших кризисов ценностей европейской культуры, который достиг своего апогея в первой половине 20-ого века. Кроме того, успехи тоталитарных движений были следствием своего рода предательства, совершенного европейскими элитами по отношению к тем ценностям, которые в течение столетий формировали европейскую культуру. Французский писатель Жюльен Бенда говорит в этой связи о «предательстве интеллектуалов». Эта формула представляется мне слишком узкой. Не одни лишь интеллектуалы оказались несостоятельны пред лицом тоталитарных движений левого и правого толка, но и другие столпы европейской культуры, или европейской системы, как то: политические партии, экономические и корпоративные союзы, большая часть церковных организаций. Биограф Гитлера Конрад Хайден говорит в связи с захватом власти национал-социалистами об эпохе безответственности, о бегстве германского политического класса от ответственности.³¹ Подобный упрек можно адресовать и политическому классу России в связи с большевистским захватом власти. Впрочем, одного лишь бегства старых элит от ответственности было бы недостаточно для объяснения триумфального шествия тоталитаризма. Необходима была еще и частичная идентификация этих элит с целями тоталитарных движений правого или левого толка. Характернейшим примером такого рода является политика старых и новых консервативных группировок Веймарской республики, которые, при всем их скепсисе по отношению к плебейской НСДАП, все-таки считали национал-социалистов своими единомышленниками, неотделимой составной частью национального фронта. Отвращение к Веймарской демократии, казавшейся правым группировкам воплощением национального позора и политического бессилия, служило тем общим знаменателем, который объединял все группировки нацио-

²⁹ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 390.

³⁰ Там же. С. 393.

³¹ Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Zürich, 1936.

нального лагеря. Политолог Ханс Буххайм пишет в этой связи: «Национальная гордость, не желавшая ... признавать поражение, но до поры до времени бессильная сделать что-нибудь бывшим противникам в мировой войне, обратилась против собственного государства, как если бы его устранение было условием и первым шагом на пути к новому подъему.»³²

Тотальное отвержение правыми силами Веймарской эпохи самого свободного за всю предшествующую немецкую историю государства напоминает демонизацию либерального режима Александра Второго русскими революционерами столетием раньше. Мы снова сталкиваемся здесь с одним из центральных свойств тоталитарного характера – с полностью неадекватным поведением, потерей чувства реальности, созданием призрачной псевдодействительности, в которой действительное положение вещей буквально переворачивается с ног на голову.

Некоторые консервативные группировки, весьма и весьма поспособствовавшие уничтожению «слабой» Веймарской республики и созданию «сильного» национал-социалистического государства, вскоре после прихода национал-социалистов к власти начали менять свою позицию. Они отвернулись от ими самими вызванных духов; как пишет философ Хельмут Кун: «Покуда дух развивал свои мысли, не считаясь с действительностью, действительность досталась адским силам.»³³

Несмотря на растущий скепсис по отношению к новому режиму, большинство консерваторов все-таки приветствовало устранение Веймарской демократии и освобождение Германии от рестрикций Версальского договора как огромное достижение Гитлера. Ради этого они были готовы смириться с заключениями инакомыслящих в концентрационные лагеря, с убийством во время «путча Рема» многих представителей консервативного сословия, с провозглашением евреев людьми второго сорта. Военный историк Манфред Мессершмидт говорит в этой связи о «частичном совпадении целей», в немалой степени способствовавшем стабилизации национал-социалистического господства.³⁴ При этом отмечаемое Мессершмидтом частичное совпадение не ограничивалось областью политики. Многие представители консервативных элит взяли на вооружение даже и некоторые идеологические постулаты НСДАП, переняли гитлеровскую лексику. Ограничимся одним примером из многих. Так, командующий 6-ой армией генерал-фельдмаршал фон Райхенау через несколько месяцев после начала германо-советской войны высказывался следующим образом: «Солдат на Востоке – это не просто боец, сражающийся по правилам военного искусства, но также и носитель неумолимой национальной идеи, мститель за все те зверства, которым под-

³² Buchheim H. Das Dritte Reich. Grundlagen und politische Entwicklung. München, 1958. P. 54.

³³ Kuhn H. Das geistige Gesicht der Weimarer Zeit // Zeitschrift für Politik. 1961. Vol. 8. P. 4.

³⁴ Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat // Deutschland 1933-1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft / Ed. K.-D. Bracher, Manfred Funke, H.-A. Jacobsen. Düsseldorf, 1992. P. 377-403.

верглись немцы и родственные им народы. Поэтому солдат должен хорошо понимать необходимость сурового, но справедливого возмездия, постигающего евреев-недочеловеков».³⁵

Однако не только национал-социалистам, но и большевикам пошло на пользу предательство элит, прежде всего интеллектуалов, которые частично отождествляли себя с целями большевиков, несмотря на те террористические методы, которыми эти цели осуществлялись. Польский поэт Александр Ват, в 20-ых и 30-ых годах сочувствовавший коммунизму, очень ярко рисует этот феномен. В беседе со своим коллегой Чеславом Милошем он так характеризует свои тогдашние настроения: «Я скорее боюсь крови. Но знаешь, это же абстрактная кровь, невидимая кровь, кровь по другую сторону стены – вот как Паскаль говорит об этой стороне реки. Кровь, которую проливают там, на другом берегу реки, - каким же чистым и великим должно быть дело, за которое проливают так много крови, безвинной крови. Это было необыкновенно притягательно. Эта высочайшая цена революции... Я поддерживаю коммунизм, хоть и знаю, что коммунизм имеет серьезные последствия. Но на мне греха нет, ведь Ленин, мой спаситель, взял на себя мой грех.»³⁶

Даже коллективизация сельского хозяйства, проведенная Сталиным жесточайшими методами, и как ее следствие голод, унесший много миллионов жизней, не смогли поколебать тенденцию бесчисленных левых интеллектуалов к частичной самоидентификации с советским режимом. Артур Розенберг, в 1927 г. вынужденный выйти из КПГ из-за своих оппозиционных взглядов, писал в 1933 г.: «Когда ГПУ начало свои действия против кулаков, многие середняки полагали, что начнется преследование всего русского сельского населения. Однако Сталин и советское правительство никогда даже и в помыслах не имели идти войной против большинства русских крестьян.» Розенберг добавляет: «Снабжение продуктами питания ухудшилось. Но прямого голода нет.»³⁷

Можно ли заключить из такого рода высказываний, что Розенберг не имел доступа к информации о действительном положении вещей в тогдашнем Советском Союзе? Вряд ли. Западные и русские социал-демократы, к примеру, часто сообщали об ужасах коллективизации. Можно с уверенностью предположить, что хотя бы часть этих сообщений была известна автору, одному из лучших знатоков рабочего движения. То, что он эти факты принимал к сведению лишь выборочно, говорит об идеологической ограниченности и узколобости, свойственной его анализу советской действительности.

Таким образом тоталитарным режимам шло на пользу то обстоятельство, что многие круги, отнюдь не безоговорочно солидаризировавшиеся с этими режимами, упорно продолжали мыслить по схеме «левое – правое», и рассматривали тоталитарные группировки, вопреки всем их преступлениям, как своих единомыш-

³⁵ Boog и др. Der Angriff auf die Sowjetunion. P. 1246.

³⁶ Wat A. Jenseits von Wahrheit und Lüge. Frankfurt/Main, 2000. P. 75f.

³⁷ Rosenberg A. Geschichte des Bolschewismus. Frankfurt/Main, 1987. P. 243.

ленников, как неотъемлемую часть революционного или же, наоборот, национального лагеря. Чтобы вырваться из этой схемы, особенно в 30-ые и 40-ые годы, когда конфликт между правым и левым тоталитаризмом достиг своего апогея, требовалась огромная сила самопреодоления. Лишь немногие были в ту пору способны на это. К этим немногим принадлежал Манес Шпербер, в 1937 г. – во время московских показательных процессов – отошедший от коммунизма. Он рассказывает о мучительных сомнениях, сопровождавших этот отход: «Из революции уходят через одну-единственную дверь – дверь, которая раскрывается в Ничто.»³⁸ Эта мучительная внутренняя борьба была не в последнюю очередь связана с тем, что любая критика генеральной линии партии воспринималась тогда изнутри коммунистического движения как косвенная поддержка фашизма. Как пишет Шпербер, сталинские пропагандисты провозгласили: «Тот, кто осмеливается критиковать коллективизацию, подавление оппозиции, ... московские процессы, тот выступает тем самым за Гитлера и против его жертв в Дахау, Ораниенбурге и Бухенвальде.»³⁹

Перед аналогичной дилеммой стояли бывшие союзники Гитлера, когда они поняли, что НСДАП не обновляет, а разрушает страну. Многие ушли тогда во внутреннюю эмиграцию, и лишь немногие решились публично заявить о своем уходе из «национального коллектива». К этим немногим принадлежал Герман Раушнинг, который вскоре после вступления германских войск в Австрию, т.е. в период беспримерных внешнеполитических успехов Гитлера, настойчиво предупреждал своих соотечественников от продолжения начавшегося в 1933 году беснования.⁴⁰

Пример Шпербера и Раушнинга показывает, что люди с тоталитарными убеждениями все-таки имеют шанс вырваться из тоталитарного тупика. Однако это возможно лишь в том случае, если они обладают достаточно тонким слухом, чтобы слышать голос совести, который тоталитарная идеология пытается заглушить. Потому что совесть «старого», сформированного иудео-христианской этикой человека – вот главный противник тоталитаризма. На этом-то препятствии и споткнулись в конце концов тоталитарные режимы, еще примерно шестьдесят лет назад выдававшие себя за исторических победителей. 20-ый век, начавшийся беспримерным триумфальным шествием тоталитаризма в Европе, закончился его крушением. Но опыт тоталитаризма радикально изменил политический климат старого континента. Этот опыт показал, что падение в варварство возможно с любой высоты, что никакая нация не застрахована от него. Ведь и в тех странах, где тоталитарные партии не пришли к власти, имелись и до сих пор имеются многочисленные адепты тоталитарных идеологий. Люди с тоталитарными склонностями есть в любом обществе. Но для того, чтобы они переместились с периферии в центр власти, необходимы особенные исторические обстоя-

³⁸ Sperber M. Zur Analyse der Tyrannis. Wien, 1977. P. 15.

³⁹ Ibid. P. 12.

⁴⁰ Rauschnig H. Die Revolution des Nihilismus. Zürich, 1964.

тельства, как в России в 1917 и в Германии в 1933 году. Эти обстоятельства можно охарактеризовать как беспрецедентный внутренний развал демократической государственности. Потому что и первая русская, и первая немецкая демократия рухнули не из-за силы своих тоталитарных противников, но из-за слабости своей собственной воли. Пред лицом готовых к решительной борьбе противников у тоталитарных сил нет абсолютно никаких шансов. Наоборот, пред лицом слабости они проявляют исключительную жестокость. Рыцарское отношение, благородство по отношению к побежденным им совершенно чужды. Величайшие преступления как большевиков, так и национал-социалистов были совершены по отношению к незащитным людям. Опыт показывает, таким образом, что только оборонноспособная демократия может противостоять тоталитарным врагам открытого общества.

(Перевод с немецкого Алексея Рыбакова)